

8.12.94

Фрейндлих Алиса

Вег. кн. б. - 1994. - 8 дек. - с. 7

«Если вечером эмоциональный спектакль, я с утра мымра»

— Скажите, Алиса Бруновна, отец, корифей Александринки, народный артист и лауреат Бруно Артурович Фрейндлих как-либо повлиял на вашу актерскую судьбу?

— Что понимать под словом «повлиял»? Он никуда меня не устроивал. Скорее наоборот: сомневался в моих возможностях. Но когда я все-таки стала актрисой, подсказал много полезного. Один его совет я усвоила на всю жизнь. После выпускного вечера в Институте театра, музыки и кинематографии мы с папой долго ходили по Моховой, по Литейному проспекту, и он сказал: «Беги от режиссеров, которые «дуют» литературой (то есть основываются на вычитанном из книг). Дерись режиссеров, которые мыслят образами». Пожалуй, это он, отец, пробудил во мне актрису. Когда я была маленькой, мы вместе с одинаковым восторгом гримасничали перед зеркалом. После он то же самое проделывал со своей внучкой Варей, моей дочерью.

— Недавно «ВК» напечатал редкий его снимок — вдвоем с Николаем Черкасовым — к 85-летию Бруно Артуровича. Помню его еще в фильме «Разные судьбы»; а какой он блестящий философ-шут в картине «Двенадцатая ночь»?.. Как он сейчас?

— Спасибо, в форме. Он из тех, кто не сдаётся годам.

— После института вы, если не ошибаюсь, вступили в труппу Театра имени Комиссаржевской?

— Проработала там четыре сезона. Начала с мальчишеских ролей. Затем Игорь Петрович Владимиров позвал в Театр имени Ленсовета, где я провела больше двадцати лет. По приглашению Георгия Александровича Товстоногова перешла в Большой драматический и превосходно чувствую себя в нем по сей день.

— Согласны с тем, что ваша актерская судьба более чем удалась?

— Как сказать. За многие годы в театре сыграла всего в двух пьесах Шекспира. Почти не играла Чехова. Мало мне досталось классики. Разве что в БДТ, где получила сразу три роли — Глафиры в «Волках и овцах» Островского, Насти в горьковской пьесе «На дне», Аманды в «Стеклянном звонце» Теннесси Уильямса. Есть и другие, называю лишь классику. Конечно, грех жаловаться, но мы, актеры, очень жадные: будто тетерева на току, поем одну и ту же песню: сыграть бы что-то еще! В этом немалый резон: годы-то летят. Времени, отпущенного актрисе природой, остается все меньше.

— Какое, на ваш взгляд, чувство труднее всего изобразить на сцене?

— Любовь. Искренне сыграть ее очень трудно. Тяжело далась мне роль Катерины Ивановны в

«Преступлении и наказании»: в какой бы степени готовности ни приходила на этот спектакль, он требовал предельного напряжения всего моего существа. Шекспировская Джульетта вообще стала для меня адским мучением, поначалу духовно парализовала... Ну а когда пьеса слаба драматургически, я чувствую себя так, словно мотор проворачивается вхолостую. Когда роль лишена внутреннего логического стержня, ощущение такое, будто на большой скорости выполняешь один за другим резкие повороты. Я автомобилистка, отсюда и сравнения.

— Видел вас в потрясающем по накалу спектакле-концерте «Люди и страсти». За три часа вы сыграли Елизавету в «Марии Стюарт» Шиллера, Марию-Антуанетту во «Вдове Капет» Фейхтвангера, Уриэля Акосту в пьесе Гущкова, персонажей Брехта и читали из Гете и Гейне! Каких же усилий требует такой трагедийный калейдоскоп?

— Моим девизом стали слова писателя Торнтон Уайлдера: «Только тот, кто страдал, способен умудриться душой». Чем острее испытал актер всю разность состояний, жизненных коллизий, чем больше в его судьбе ухабов, тем он богаче. У меня ухабов в судьбе хватало. Убеждена, актер на сцене в любом случае вправе пользоваться только своими личными болями, независимо от их масштаба. Обязан разбудить в себе ту болевую точку, которая сравнительно соответствует болевой точке роли. Сколько на моей памяти лишь потому не состоялось талантливых людей, что жизнь у них сложилась слишком ладно и гладко и они утратили эти болевые точки. Утратили поневоле, а не потому, что сознательно защищали себя от невзгод и из-за этого почерствели.

— Помимо вклада души, роль наверняка требует и наблюдений, и актерских «приспособлений»? Как вы действуете?

— Каждый раз по-иному. Если предстоит сыграть современнику, начинаю смотреть на все «особым глазом», выдергивая из увиденного то, что пригодится. Заметила, зафиксировала — стоп-кадр, как в кино! — и в свою «копилку». Из запасников памяти извлекаешь необходимое — и туда же, «в дело». Когда роль классическая, ищешь и вызываешь ассоциации с сегодняшним днем, выстраиваешь параллели, сходные проявления характеров и натур, эмоции и реакции. Если же играю конкретное историческое лицо, обращаюсь к тем или иным мемуарам, смотрю живопись той эпохи, вслушиваюсь в музыку периода, в котором существовал мой персонаж, — это помогает открыть пластику.

— Выходит, ваша Страна Чудес — беспрерывное напряжение ума и души?

— Что вы! Для меня театр — удовольствие.

Столик на двоих

8 декабря в Питере на набережной Фонтанки, 65, — в Большом драматическом товстоноговском — событие, значительное для всех, кто любит театр и кино: чествование народной артистки России и СССР, лауреата Государственной премии Алисы Фрейндлих. У нее круглая дата.

Великая Алиса десятилетиями живет в подлинной Стране Чудес — в Искусстве, обретая любовь зрителей и славу. Наш разговор происходил у актрисы дома, как видите, за столиком, визави. Алиса Бруновна предельно искренний человек, очаровательный во всех проявлениях, надежный друг и гостеприимная хозяйка.

Алиса
ФРЕЙНДЛИХ:

Продолжение детства. Мы все время во что-то играем. Наверное, в детстве я была старше, чем сейчас... Главные моменты моей жизни — вечерние спектакли. Не настраиваюсь специально, но, если предстоит очень эмоциональный спектакль, я с утра замкнута, неприветлива, сосредоточена, — как «мымра» в начале фильма «Служебный роман»; на дневной репетиции работаю не слишком плодотворно. Делаю это не сознательно: организм сам экономит себя для вечера.

— Что вас обнадеживает, возможно, и радует в современном театре?

— Возвращение к эмоциональному актерскому театру. Отдаю должное театру умозрительному, уважаю театр режиссерский, но убеждена: самое ценное для зрителя — сиюминутное сопереживание, возможность испытать вместе с героями спектакля живые эмоции. Радует и то, что стало необязательным в театре «гнать план», выпускать в каждом сезоне столько-то спектаклей — не меньше, «охватить» столько-то зрителей, «реализовать» такую-то сумму на постановки. У труппы к концу сезона возникала отдышка. Опять сравнение автомобилистки: дорожные линии бывают сплошные и прерывистые, театру и зрителю полезнее прерывистые.

— Позвольте узнать ваше мнение об Алисе Фрейндлих.

— Хочется верить, что она — разная. Веселая и грустная, добрая и не очень, серьезная и легкомысленная. Что в ней много намешано — дабы было из чего выбирать — и играть не однозначно, а каждый раз жить в нескольких измерениях.

— Обычно у актеров много поездок, как вы к ним относитесь?

— Признаться, я отечная домоседка. Страдаю, покидая свой дом, с наслаждением возвращаюсь.

Но легка на подъем, собраться на край света могу в считанные минуты, в любых условиях неприхотлива, не капризна. Мне все интересно. Вот недавно мы с Владиславом Игнатьевичем Стрельниковым, партнером по спектаклю «Этот пылкий влюбленный» (комедия Нила Саймона, у меня там под ряд три роли), ездили в Святую землю, в Иерусалим. Играли там спектакль без декораций, без привычного освещения, отлично поставленного в Большом драматическом; условия почти походные. Но зрители принимали с благодарностью. Стрельчик был в тех местах не впервые, поэтому стал моим гидом. И произошел у нас такой замечательный эпизод. В Иерусалиме на Масличной горе стоит старинная церковь Марии Магдалины; правила там строгие, поскольку церковь находится на территории женского православного монастыря. В неурочный день и час могут не впустить.

— Илья Глазунов мне рассказывал, что как раз его туда и не пустили: было «неприемное» время.

— Вот-вот. И мы попали в такой же момент. Но надо знать Владислава Игнатьевича: он подошел к монашке-привратнице, тихонько поговорил с ней, и нас пустили!

— Ваши отношения с режиссурой, как правило, безоблачны? Или случаются споры?

— В театре бывали не только споры, но и взрывы! Актер подчас уверен, что знает о роли не меньше, чем режиссер (а тот совершенно обратного мнения). В кино же приходится полагаться на постановщика: проверить результат удастся лишь позже. Бывают исключения, например, съемки «Служебного романа» были многокамерными: эпизод сперва записывали на видеоленту, затем мы вместе с Эльдаром Александровичем Рязановым и участниками эпизода просматривали ее, обсуждали и уж после этого снимали окончательный вариант.

В театре у меня есть опыт, на который можно опереться. А в кино опыта недостаточно. В кино я каждый раз словно начинаю впервые.

— Когда-то вы говорили, что у вас с кинематографом — роман без взаимности: вы его любите, а он вас — нет. Но со временем как будто установилась полная взаимность? Столько картин: «Мелодии Верейского квартала», «Анна и Командор», «Семейное счастье», «Старомодная комедия», «Сталкер»...

— Не продолжайте, я «свои» фильмы помню наперечет. Насчет взаимности преувеличиваете. Действительно достойных работ в кино у меня раз два и обчелся. И приглашают редко. Не так давно снялась в «Подмосковных вечерах» Валерия Тодоровского, но до этого четыре года кинематографисты обо мне не вспоминали... Очень важно для меня, у кого сниматься. Особые люди в моей киносудьбе — Рязанов и Андрей Тарковский.

С Рязановым мне очень легко, он сам исповедует театр, писал для театра, знает и любит язык театра, поэтому снимает фильм, исходя из собственной «театральной» режиссерской посылки. А Андрей Тарковский — кинематографист до мозга костей, к его эстетике очень трудно привыкать. Требовалось долго общаться с Андреем Арсениевичем, чтобы понять образность его специфического мышления, близкого к живописи, причем не всегда реалистической.

Люблю роли «с превращениями». Такой как раз стала роль Калугиной в «Служебном романе». Надежда на «превращение» привела меня в некоторые другие картины: «Тайна железной двери», «Принцесса на горошине», «Мелодии Верейского квартала», «Соломенная шляпка». А на сцене превращения сулили «Дульсинья Тобосская», Элиза Дулиттл в «Пигмалионе», Катарина в «Укрощении строптивой», Малыш — «Малыш и Карлсон, который живет на крыше».

— Нельзя не отметить, что и поете вы чудесно. «У природы нет плохой погоды», «Мне грустно без кого-то»... Или, скажем, романс в фильме «Я помню чудное мгновенье». Могли бы стать певицей.

— Когда поступала в ленинградский Институт театра, музыки и кинематографии, был в приемной комиссии педагог, который одновременно набирал курс музыкальной комедии в ГИТИС и усиленно звал меня туда. Я испугалась, что из-за его стараний меня не примут «в драматические»; кончились переговоры моей истерикой. А вообще-то, признаться, я с младенчества мечтала стать балериной. Но вовремя не удалось пойти в балетную школу: слишком трудными были первые послевоенные годы, не до балета. А позже стало ясно, что я опоздала. Всю жизнь чуть-чуть жалею: балет — еще одна страна чудес, может быть, самая чудесная.

— Читатели, они же зрители, желают вам здоровья и все новых побед на сцене и на экране. А что пожелаете им вы?

— Того же, чего всегда желаю себе. Покоя в беспокойстве и беспокойства в покое.

Столик заказывал
Эдуард ЦЕРКОВЕР.
Фото Юрия ЛУНЬКОВА
и из архива актрисы.